

— Клюет! — Лешка, закусив губу от волнения, плавно повел удочку вправо, подсек и дернул.

Удочка разогнулась, звонко запев, как скрипичная струна, на солнце сверкнула серебряная змейка, забилась на траве.

— Окунь! — завистливо проговорил Санек. — Везет тебе даже. Четвертого окуня вытаскиваешь, а у меня не клюет и не клюет даже... ты, наверное, секрет какой-нибудь знаешь...

— Конечно, секрет! — Лешка ухмыльнулся, осторожно вытаскивая крючок, и гордо показал приятелю крупного яркого окушка, жалобно разевающего рот. — Ты на червяка плевал, перед тем как его на крючок насадить?

— Плевал! — вздохнул Санек. — Конечно, плевал... и на левой пятке крутился даже, а все впустию...

— Ну, тогда не знаю... наверное, тебе сегодня просто не везет... — Лешка насадил окуня на ивовую ветку, где уже трепыхались три рыбки, и вдруг махнул рукой. — Эй, смотри, у тебя клюет!

— Ой, правда! — Санек уставился на поплавок, который качнулся и ушел под воду. — Большой даже... только бы не сорвался...

Лешка посмеивался над Саньком — над его городскими привычками, над бледной веснушчатой физиономией, над этим словечком «даже», которое приятель вставлял к месту и не к месту. Однако они всегда вместе ходили на рыбалку, вместе копали червей на теткинском огороде, вместе отбивались от соседских мальчишек — а что еще нужно в одиннадцать лет, чтобы быть лучшими друзьями?

Вся их беззаботная жизнь кончилась давно, три года назад, когда началась война и в их деревню пришли немцы. Сашку привозили из города к бабке каждое лето, и тогда тоже привезли. А потом немцы отрезали обратную дорогу, и уехать к своим они с бабкой не успели. Так и жили почти три года, перебивались огородом.

Немцы в их деревне особо не лютовали, один раз только высекли Пашку Сидорова за то, что он гранату пытался украсть. Открыли церковь, взрослое население заставляли работать в поле. Партизаны в районе, конечно, были, да только к ним не забредали, деревня в стороне стояла и от железной дороги, и от проезжих дорог.

В последнее время немцы забеспокоились, видно, несладко им на фронте приходилось. Увозили в Германию всех, кого в сорок втором не угнали. Другим сравнялось по четырнадцать годков. Лешка был маленький и щуплый, ледащий, как говорила Сашкина бабка. А ее внук, напротив, вымахал ростом, в плечах был широк, говорил едва не басом. Бабка боялась, что его заберут на принудительные работы, и велела мальчишкам не показываться немцам на глаза. Поэтому рыбу они ловили не в деревенской речке, а на дальнем озере, и про-

бирались домой поздно, преимущественно огородами.

Санек замер, не выпуская удочку из рук и не сводя взгляд с поплавок. Однако поплавок мелькнул еще раз, ушел под воду и больше не показывался на поверхности.

— Большой, наверное, даже... — без уверенности в голосе повторил мальчишка.

— Сам ты большой! — передразнил его приятель. — За корягу зацепилось, наверное...

— Придется нырять... — тяжело вздохнул Санек.

Вода была еще холодная, только недавно стаял лед. Сашка стащил через голову тут и там заплатанную бабкой рубашку и взялся за резинку штанов.

И тут они услышали невдалеке шум мотора. Лешка повернулся в ту сторону и прислушался.

— Немцы! — тихо сказал он.

— Врешь! — неуверенно ответил Санек. — Какие немцы? Откуда им тут взяться даже?

Место было тихое, заповедное, ни дороги рядом, ни самой захудалой деревеньки. Мальчишки добирались сюда едва заметными лесными тропами, в первый раз едва не заблудились.

Лешка прыгнул на камень, высывающийся из воды, и снова прислушался. По воде звук разносился далеко, он явственно различил немецкую речь.

— Пойдем посмотрим! — предложил он. — Интересно, что им тут надо?

— Ты что... — испугался Санек, — а если заметят?

— Не заметят, — отмахнулся Лешка, — мы тихонько...

Несмотря на маленький рост и щуплость, он был в их дуэте главным, и Санек всегда его слушался. Но

на этот раз он вспомнил строгий наказ бабки и по-медлил.

— Струсил, да? — усмехнулся Лешка.

— Ничего и не струсил даже! — обиженно про-бормотал Санек и грустно оглянулся на запутавшуюся леску. Было жаль крючка, когда еще проволоку достанешь?

Лешка уже продирался вдоль берега, стараясь не шуметь и не сильно дергать кусты. Приятель бросился за ним.

Через минуту Сашкина лопухая голова показалась над кустами и пропала. Дальнейший путь приятелей можно было проследить по едва шевелящимся прибрежным зарослям.

Голоса немцев становились все ближе, но берег озера был тут извилистый, густо поросший кустарником, поэтому увидеть приятели ничего не могли. Лешка сделал несколько шагов и вдруг застыл на месте. Санек с разбегу налетел на него.

— Тише ты! — раздраженно зашептал Лешка. — Тут они, почти рядом. Хорошо, что собак нету, а то мигом бы нас учуяли...

Очень осторожно он высунул голову из куста.

Немцы суетились на берегу возле катера. С него на довольно высокий берег были переброшены две доски, и по этим доскам двое солдат в немецкой форме носили железные ящики, выкрашенные темно-зеленой краской. Еще трое оставались на берегу, держа под прицелами автоматов лес, подходивший к самой воде. Распоряжался солдатами капрал с повязкой на рукаве, а чуть в стороне стоял долговязый офицер, показавшийся Лешке знакомым.

Немец был худой и очень высокий, ходил ссутулившись, смешно загибая ногами, мальчишки прозвали его Глиста в мундире.

— Вот интересно, что это Глиста тут делает... — одними губами прошептал Лешка.

Подошли еще двое солдат с автоматами, один доложил что-то офицеру. Тот заторопился, хлопнул по последнему ящику и прыгнул на катер.

— Куда это они? — спросил Санек. — На тот берег, что ли? Так там и жилья-то никакого нету...

— А я знаю? — огрызнулся Лешка.

Когда он чего-то не понимал, то становился очень сердитым.

Немцы, однако, отплыли недалеко. Катер встал носом к ветру, и мальчишки увидели, что с левого борта в воду упали темно-зеленые ящики. Немец по прозвищу Глиста проводил их глазами и записал что-то в маленькую книжечку.

После чего катер круто развернулся и скорым ходом пошел к берегу. Долговязый офицер выпрыгнул первым и зашагал от берега к лесу, его сопровождали четверо солдат. Остальные трое под командой капрала направились к катеру.

Санек переступил ногами и едва не упал, ухватившись за куст. Из-под ноги вырвался камень и упал в воду с глухим плеском.

Немцы заметили движение в стороне, раздалась резкая команда, и рядом с мальчишками зажужжали пули. Лешка испуганно плюхнулся на мокрый песок и застыл, прикрыв голову руками, преодолевая дикий страх и желание бежать сломя голову, бежать куда угодно, только бы не слышать автоматных оче-

редей и свиста пуль. Санек, как всегда, последовал его примеру.

На самом деле немцы ничего не заметили, стреляли на всякий случай, для порядка. К тому же они очень торопились, так что капрал дал команду прекратить стрельбу.

Они делали еще что-то на берегу, но приятели валялись на песке ни живы ни мертвы от страха. И когда все стихло, Лешка отважился поднять голову только через полчаса.

Возле самого берега торчал полузатонувший катер, по воде расплывалось масляное пятно. На берегу никого не было, немцы ушли, очевидно, там, в лесу, их ожидала машина.

Мальчишки несмело подошли к самому берегу. Катер потихоньку уходил под воду, вот уже видна только крыша рубки, вот и она пропала, только круги разошлись по воде.

— Посмотреть бы... — неожиданно сказал Санек, — может, что нужное там есть...

Ему не давала покоя пропавшая удочка. Удилиц-то сколько хочешь можно найти, а вот где взять леску и проволоку для крючка?

— Ну, ныряй... — на этот раз в Лешкином голосе звучала неуверенность, — тут неглубоко...

Санек оглянулся на лес, там было пусто и тихо. Немцы вряд ли вернутся, что им тут делать...

И он решительно скинул свою одежонку и ринулся в воду. Катер к тому времени полностью ушел под воду, так что Лешка с берега ничего увидеть не мог. Солнце зашло за облачко, и ему внезапно стало холодно и очень неудобно. Приятель появился из воды очень скоро.

— Там... — выкрикнул он, отплевавшись. — Там что-то есть даже...

— Что там может быть! — нарочито небрежно сказал Лешка. — Пойдем отсюда, Сашка!

— погоди! — буркнул Санек, он вдруг уразумел, что Лешка чего-то боится, и ему очень понравился такой расклад. Если Лешка боится, а он, Сашка, нет, то теперь он среди них двоих главный. — Там что-то интересное даже...

— Врешь ты все! — В Лешкином голосе недоверие смешалось со страхом, но Санек уже ушел под воду.

Лешка беспокожно следил за тем участком поверхности, куда нырнул его приятель.

Санек не выныривал удивительно долго, так что Лешка уже решил наплевать на все страхи и стащил рубашку, собираясь нырнуть на помощь приятелю. Но тут вода с плеском разошлась, и на поверхности снова показалась голова Санька. Глаза его были выпучены, как у рыбы, а лицо совсем белое, как неживое.

— Там... — прохрипел он, закашлявшись, — там...

— Ну что там? — закричал Лешка и тряхнул приятеля за плечи.

— Там... там моторист дядя Гриша... Они его к рулю привязали и утопили...

Дальнейшего Лешка не слышал. Он несся прочь от этого ужасного места, поднимая тучи брызг и песка. Санек не отставал и даже обогнал его на повороте.

— Пойдем, однако... — Андрей потянулся всем своим сильным телом, под загорелой кожей заиграли рельефные мускулы, — надо денежки отрабатывать...

— Какие это деньги, — скривился Витька, — одни слезы...

— Какие ни на есть, а если аванс взяли, нужно его отработать.

— Ни фига мы опять не найдем, — Витька смачно плюнул в воду, отчего Надю передернуло, — зря только полощемся...

— Не хочешь — я пойду! — не выдержала Надя. — А ты тут загорать станешь...

— Ты? — Витька демонстративно заржал как лошадь. — Ты что — плавать умеешь?

И ведь прекрасно знает, что она умеет плавать и нырять с аквалангом! Делала это не один раз, причем не в Хургаде училась, где просто устраивают аттракцион для туристов, а прошла специальные курсы по дайвингу и плавала даже на Сейшелах! Но Витька упорно делает вид, что она тут никто и звать никак, просто девочка на побегушках. Они-то профессионалы, это Надя признает.

Витька служил три года на Дальнем Востоке, там и научился профессиональному дайвингу. Рассказывал, как много всякой живности в Тихом океане, какие огромные там крабы и как местные жители собирают трепангов и продают их китайцам. А те делают из них какое-то ценное лекарство и продают, в свою очередь, американцам. И все довольны, только государство отчего-то обижается, потому что ему с этого ничего не достается.

А Андрей вообще человек таинственный. Про себя ничего не рассказывает, однако видно, что много повидал он за свою молодую жизнь. Много он умеет, оборудование достал тоже он и считается в их группе старшим. Все его слушаются, даже Витька с его по-

лублатными замашками и соленым морским жаргоном.

— Помоги! — Андрей надел акваланг и повернулся к Витьке, тот понял, что разговоры кончились, и тоже стал облачаться.

— Ну, не скучай, Надежда! — Андрей закусил загубник и аккуратно вошел в воду спиной.

— Голову закрой! — буркнул Витька. — Последние мозги высушишь!

И на том спасибо, обычно он гораздо грубее.

Понтон мягко качнулся, по воде пошли пузыри, и скоро все стало тихо. Надя подняла голову и поглядела на небо сквозь темные очки. Сегодня будет ясно, впрочем, как и в предыдущие дни. Отличный выдался июль, ни одного дождя. Вода в озере теплая, можно плавать без гидрокостюмов.

Надя привычно оглядела озеро. Небо отражается в воде, оттого она кажется неестественно голубой. И бегут по ней ослепительные солнечные блики. А ветра почти нету. Ох, жарко будет сегодня... Но Надя не боится солнечных ожогов. Кожа у нее смуглая, никогда в жизни не подгорала на солнце.

Она привстала и посмотрела на дальний берег в старый морской бинокль. Там хороший пляж с чистым песочком, стоят ровными рядами полосатые зонтики и кабинки. Это санаторий, называется, кажется, «Солнечный берег». Сейчас на пляже никого нет — рано, отдыхающие еще завтракают, потом на процедуры медицинские пойдут. Андрей оттого и выгоняет их нырять пораньше, чтобы меньше было любопытных глаз вокруг. Все же действуют они неофициально, никакого разрешения у них нет...

Они ищут клад... Даже сейчас Надя не смогла сдержать улыбку. Как-то это все несерьезно, выражение из старых детских книжек. «Остров сокровищ», «Приключения Тома Сойера», «Али-Баба и сорок разбойников»...

Но ребята настроены серьезно, заказчик убедил их, что клад в озере должен быть. Якобы в войну немцы при отступлении затопили здесь какие-то железные ящики. Что в них — никто не знает.

«Нас это не касается, — твердит Андрей, — если найдем, мы их и вскрывать не станем. Мало ли что там может быть... Это дело хозяина, пускай он ответственность за все несет».

А им надо те ящики найти. Или доказать, что их нет. Но не станешь же все озеро обшаривать, этак и нескольких лет не хватит. А у них всего месяц, да и тот кончается.

В санатории «Солнечный берег» по утреннему времени было удивительно тихо. Отдыхающие еще только собирались на завтрак. На пустынном пляже в укромном уголке появилась необъятных размеров тетенька. Она специально приходила купаться пораньше, потому что стеснялась своих внушительных габаритов. Когда она стягивала через голову яркий ситцевый сарафан, на который пошло, верно, больше материи, чем на двуспальный пододеяльник, на пляже возникло еще одно лицо. Это был скромного вида мужчина, явно пенсионного возраста. Мужчина купаться не собирался. На нем были летний льняной костюм и примятая кепочка. В руке мужчина держал складной парусиновый стульчик, на груди его висел отличный цейссовский

бинокль. Опасливо оглянувшись на тетку, мужчина бочком проскочил к вышке для ныряния. Вышка осталась со старых добрых времен, когда пляж санатория был значительно больше, озеро глубже, и можно было прыгать с вышки в воду, не боясь удариться о дно.

Мужчина осторожно поднялся по шатким ступеням и затих на самом верху.

Тетенька сняла наконец свой яркий сарафан и осталась в купальнике, таком же ярком, только еще в крупных розах. Затем она сбросила розовые пляжные тапочки и пошла к воде, оставляя на песке неприлично глубокие следы.

По утреннему времени вода была прохладная. Толстуха счастливо взвизгнула и погрузилась в воду, отчего к берегу пошли волны, как будто мимо проплыл моторный катер. Мужчина на вышке невольно усмехнулся и подумал словами из известного анекдота, что во время такого купания на другом берегу непременно наводнение будет.

Тут подошли к пляжу две неразлучные подружки — Валя и Галя. Они быстренько управились с завтраком и решили прогуляться, чтобы выгнать лишние калории. Подружки были крепкие веселые дамочки в районе сорока пяти. Как известно, сорок пять — баба ягодка опять. Подружки вполне подходили к этому тезису.

Валя, чуть пухловатая блондинка с белесыми бровями и ресницами, любила романтические наряды с воланами и рюшечками, конфеты «Птичье молоко» и песни Димы Билана.

Галя, напротив, повыше и похудее, коротко стригла жесткие черные волосы и ярко красила большой

рот. Одевалась она подчеркнуто спортивно, сладкое вообще не любила, предпочитала мясо, причем очень уважала шашлыки на природе. В кишечно-желудочный санаторий «Солнечный берег» она поехала за компанию с подругой — подвернулась недорогая путевка.

На пляже никого не оказалось, и это подружек несколько огорчило. Днем в санатории вообще было скучновато, все больные при деле — кто воду пьет, кто ванну лечебную принимает, кто физиотерапию, кто доктору на болезни жалуется. Вечером — совсем другое дело, вечером в столовой устраивались танцы под магнитофон, вот только с кавалерами в санатории была напряженка.

Валя разочарованно вздохнула и уставилась на воду, где плавала голова в розовой купальной шапочке. Галя, однако, своим длинным носом учуяла мужчину.

— Михаил Бори-исович! — позвала она грудным завлекательным голосом. — Что это вы там делаете?

Скромный дядечка на вышке долго делал вид, что не слышит выкриков.

— Михаил Борисыч! — присоединилась к подружке Валя. — Ау!

— А вот мы сейчас сами поглядим! — Галя решительно шагнула к вышке.

Надо думать, Михаил Борисович испугался, что шаткая конструкция не выдержит троих. Так или иначе, он свесился с вышки и хоть сдержанно, но приветствовал подружек.

— Михаил Борисович! — повторила Валя, задрала голову и щурясь на солнце. — Что это вы делаете на вышке каждое утро? Да еще с биноклем? Окрестно-

стями любуетесь? Или подсматриваете за кем-нибудь?

— Что вы, дамы, — Михаил Борисович немного натужно рассмеялся, — за птичками наблюдаю. Там серая цапля в камышах иногда появляется, и еще выпь...

— Как интересно! — Валя захлопала белесыми ресницами. — А мы что-то никого не видим...

— А они шума не любят, попрятались все... — ответил Михаил Борисович.

Намек был настолько прозрачен, что подруги попятнулись.

— Ага, за птичками он наблюдает, — вполголоса сказала Галя, когда подруги отошли на некоторое расстояние от вышки, — небось любитесь, как Марья Ивановна купается.

— Да? — встрепенулась Валя. — Ой, и правда... — разочарованно протянула она, увидев розовую резиновую голову в воде. — Ты думаешь, у них серьезно?

Галя подобрала камешек и ловко метнула его в воду. Камешек запрыгал по воде, делая «блинчики».

— Раз, два, три... — считала Галя.

До розовой головы камешек не допрыгнул. Толстуха в воде ничего не заметила.

Надя бросила на дальний берег последний взгляд. Ей показалось, что там что-то ярко блеснуло. Хотела рассмотреть получше, но в это время с ближнего берега донесся свист. Это Костик вышел к озеру посуду мыть после завтрака. Надя улыбнулась. Костик бросил в воду кастрюлю и жестами спросил,

как дела. Она опустила вниз большой палец — мол, все в порядке, ребята ищут, я стерегу.

Она попала в эту компанию из-за Костика, они в свое время учились в одном классе. И тут в мае он позвонил и сказал: «Надюха, есть дело. Можно неплохие бабки срубить за, в общем-то, непыльную работенку».

Надя тогда заколебалась, и Костик правильно понял ее молчание. Костик у них в классе считался парнем не то чтобы опасным, но сомнительным. В институт он не поступил, от армии откосил, перебивался мелкими заработками, часто исчезал из поля зрения бывших одноклассников и загадочно отмалчивался, когда его спрашивали, где был. Но деньги у него водились.

При непосредственной встрече Костик признался, что криминал в будущей работе есть, но совсем небольшой. Просто надо кое-что достать для одного человека со дна озера.

Глубина там небольшая, метров семь-восемь, может, и того меньше. Да Надю это и не должно волновать, потому что ее нанимают не нырять с аквалангом, а совсем для другого. А именно: она, как человек, разбирающийся в гидрологии, в подводных течениях и разных процессах, должна как можно точнее очертить место поисков. Потому что известен только факт затопления ящиков, но само место весьма неопределенно. Никакого буйка там, разумеется, не ставили и никак это место не пометили. Те, кто сбросил ящики в воду, отплыли на лодке. Может, для себя кто-то из немцев и записал направление, скорость катера и точное время, но тот, кто видел это со стороны, мог сказать только приблизительное

место и направление. Да еще помнил, что катер был старый, мотор все время кашлял и давал вполовину меньше скорости, чем мог бы. Немцы бросили его потом чуть в стороне, взорвав предварительно мотор. Катер подняли после войны местные жители — время было тяжелое, любая техника, даже поломанная, на вес золота. Пробоины наскоро подлатали, мотор новый поставили — и еще лет десять тот катер по озеру ходил, людей возил на дальние покосы.

Из этих скудных сведений Надя сумела вычислить направление и приблизительные координаты. Но круг поисков все равно получился достаточно широким.

Они выехали на озеро в первых числах июля — трое парней и она. Андрей ей понравился — сильный, решительный, немногословный. Он глянул на нее мельком и сказал всем, что во время работы объявляется сухой закон, даже пива нельзя. Курил из всех только Костик, он с аквалангом не был знаком, его взяли водителем и кашеваром. Кому-то приходилось стеречь лагерь, потому что место хоть и глухое, деревень поблизости нету, однако мало ли кто забредет на огонек. А потом машины не досчитаешься, опять же оборудование у них ценное.

— И никаких гулянок! — твердо сказал Андрей. — Это все потом, когда дело закончим.

Витька тогда только хмыкнул и обшарил Надю наглым взглядом. И через два дня подстерег ее вечером на тропинке, когда шла она умыться к озеру.

— Пойдем прогуляемся, — сказал он, возникнув неслышно из-за густых кустов.

— Отвали, — процедила Надя, с ненавистью глядя в его наглые глаза. Он был в тельняшке с ото-